
И. И. ИВАНОВА

К ВОПРОСУ О ПРИРОДЕ ФИЛОСОФИИ: ПАРАФИЛОСОФИЯ, МЕТАФИЛОСОФИЯ, ПСЕВДОФИЛОСОФИЯ

Статья посвящена анализу современного состояния философии, которое видится автору как следствие массовизации культуры, захватившей теперь уже и самую элитарную сферу человеческой духовности. Такой анализ проводится посредством сравнения этнокультурных и основных исторических типов философствования в их динамике, а также посредством исследования рационалистического ресурса наиболее известных философских концепций, в частности так называемого панлогизма Г. В. Ф. Гегеля. Кроме того, рассматривается механизм новообразования в философском языке и оценивается их воздействие на содержание современного «мудрования». Выдвигается предположение, что источником большинства проблем, свидетельствующих об определенном кризисе в философии, является специфически воспринятое гегельянство. Делается вывод о проблематичности отнесения к философии не только ее постмодернистской или дилетантски-резонерской интерпретации, но и некоторых типов национального философствования.

Ключевые слова: *массовизация культуры, национальное философствование, «своя философия», «по-своему философия», профанизация философии, псевдофилософия, парафилософия, метафилософия, философия, практическая философия, рациональность, логика, панлогизм, метафизическая рефлексия.*

Современное восприятие философии, которое нередко выражается в словосочетаниях типа «философия подростка», «философия банка», «философия его поведения» или «философия маргинала», увы, перестало шокировать даже профессионалов. А это значит, что присущие сегодняшнему обществу процессы массовизации культуры захватили теперь уже и самую – некогда – элитарную сферу человеческой духовности. Теперь вот и Мадонна попала

Философия и общество, № 3, июль – сентябрь 2012 173–183

в список известных философов¹... Иными словами, считать себя философом сегодня вправе кто угодно, причем это право признается даже специалистами уровня Л. Н. Митрохина («Согласимся: у каждого человека своя философия...»²) или Т. И. Ойзермана («В конце концов, религия – тоже своеобразная философия мира... Так что каждый мыслящий человек – по-своему философ»³). На фоне мнений таких именитых академиков говорить о сомнительности позиций профессионалов несколькими рангами ниже (например, кандидатов философских наук) вроде бы даже и неудобно⁴. Ну а если душа, что называется, не принимает подобного рода «философствований»? Душа философа-профессионала, который в окружении всех этих «по-своему философов» вдруг перестает ощущать себя философом?

В самом деле, сегодняшняя ситуация с философией просто парадоксальна. С одной стороны, ее не ругает только тот, кто в силу какого-то недоразумения пока еще не знаком с самим словом «философия», а с другой – едва ли не всякий мнит себя философом и пытается тем или иным способом обнаружить свою к ней якобы причастность. И что-то очень знакомое слышится в этой какофонии оценок и мнений, в этой массовой профанизации одной из самых интеллектуальных, самых рационализированных сфер человеческого сознания. Действительно, состояние, в котором сегодня оказалась философия, переживается ею далеко не в первый раз, и не в первый раз всякого рода кликуши пророчат ей скорую гибель. Так было на пороге нашей эры, когда благодаря процессам эллинизации культуры «философами» вдруг почувствовали себя все: пре-

---

¹ «Фильм основан на философских убеждениях Мадонны, почерпнутых, вероятно, из каббалы, которой она увлеклась не меньше, чем Африкой. По словам звезды, эта модная в Лос-Анджелесе религия лишь убедила ее в том, о чем она догадывалась и раньше... Каббалу начала изучать просто из любопытства: ...сказали, что она раскрывает тайны Ветхого Завета. И лишь позднее поняла эту философию, начала извлекать уроки» (Кохен Р. Мадонна: заступница человечества. – 2011 [Электронный ресурс]. URL: <http://digest.subscribe.ru/style/art/n656209333.html>).

² Митрохин Л. Н. Из бесед с академиком Ойзерманом // Вопросы философии. – 2004. – № 5. – С. 71.

³ Там же.

⁴ «Нельзя сложа руки наблюдать за тем, что наши мудрецы, акыны-сказители, манасчы уходят, унося с собой познания об уникальной философии... кыргызов» (Токтосунова А. И. Париж накрыло войлоком // Вечерний Бишкек. – 2005. – 11 июля. – № 129. – С. 8).

сытившиеся рафинированным мудрованием и «нищие духом», императоры и рабы, мужчины и женщины. Так было в эпоху утверждающегося христианства, когда служанки уже перестали мнить себя философами, зато сама философия обрела статус не более чем служанки. Так было даже в первой половине XIX в., когда европейское общественное сознание казалось сплошь философизированным: «В отношении новой философии Джоберти занял резкую позицию... В начале “Введения в изучение философии” он говорит: “В настоящее время в Европе нет больше философии. Во Франции философия уже умерла, в других странах находится при последнем издыхании”»⁵.

Правда, безусловно, заключается в другом, поскольку чем громче и чаще возглашается наступление чьей-то смерти, тем выше вероятность встретиться с чем-то в действительности бессмертным. В этом плане чрезвычайно удачным представляется рассуждение А. Келессиду: «...движение Философии происходит через преодоление кризисов... любое мнение о “конце философии” и рассуждения о постфилософской эпохе лишь подчеркивают основательность философской рефлексии»⁶. Иными словами, уже сама периодичность случающихся в философии кризисов свидетельствует о ее неиссякаемом потенциале. При этом ее чрезмерная распространенность является симптомом не укрепления и развития, а очередного кризиса. Однако каковы вообще эти симптомы? Безусловно, во-первых, это утрата в обществе интереса к рационалистическому сознанию и отказ считать таковое главной ценностью духовной культуры⁷. Во-вторых, в самой философии это постепенное усиление таких маргинальных ее форм, как мистика и иррационалистическая религиозность. В-третьих, это замена в ней приоритета теоретизирования на приоритет так называемой практической философии. В-четвертых, это все более возрастающий эклектизм интеллектуальной литературы вообще и философской рефлексии в частности. В-пятых, перемещение философских рассуждений из

⁵ Эрн В. Ф. Джоберти // Христианство. Энциклопедический словарь: в 3 т. – М., 1995. – Т. 3. – С. 319.

⁶ Келессиду А. Кризис философии и философские ценности Греции // Философия и общество. – 1998. – № 4. – С. 183.

⁷ Ср.: «Философия есть там, где есть искание единства духовной жизни на путях ее рационализации» (См.: Зеньковский В. В. История русской философии: в 2 т. – Ростов н/Д., 1999. – Т. 1. – С. 16).

преимущественно письменных стилевых форм не просто в формы преимущественно устно-разговорные, а все более – в формы разговорно-бытовые. В-шестых, это дилетантизм философствования, превратившийся даже в своеобразный жизненный принцип, и, как итог, в-седьмых, – упомянутая массовизация, неуклонно низводящая философию до уровня профанного знания.

Заметим при этом, что любой разговор о кризисе в философии на самом деле касается только западной, а не, скажем, индийской или китайской культуры. Создается впечатление, что хотя бы восточная мудрость проблемам деградации и обесценения не подвержена. Впрочем, если взять в расчет все возрастающую на Западе популярность учений восточного происхождения, то вряд ли придется говорить всего лишь о впечатлении. И тут одно из двух: либо современная философия в действительности никаких особых проблем не испытывает, либо подавляющее большинство восточных учений к собственно философии отношения не имеют. В самом деле, обратившись к мнению одного из самых авторитетных специалистов в области исследований философского феномена, профессора А. Н. Чанышева, находим: «Философия – системно-рационализированное мировоззрение. Системность определяет содержание философии, поиск ею единства и субстанции мироздания, а рациональность – ее форму, ее уровень. Афористические и иррационалистические формы философии – отклонение от нормы»⁸. Абсолютно солидарны с таким мнением, судя по всему, также позиции известнейшего российско-греческого мыслителя Ф. Х. Кессиди («...бог Аристотеля есть чистый разум, интеллект как таковой, мышление мышления»⁹) и не менее известного финского философа Я. Хинтикки, советующего сторонникам нерациональных философствований «...подписать методологическое перемирие с платоновской традицией, считающей рациональные методы, такие как математика, необходимым условием для входа в царство серьезной философии»¹⁰. И если исходить именно из такого методологического взгляда, тогда к философии совершенно точно

⁸ Чанышев А. Н. Философия Древнего мира. – М., 1999. – С. 13.

⁹ Кессиди Ф. Х. Философия древних греков как проявление их менталитета / Ф. Х. Кессиди // Идеи и люди: историко-философские и социально-политические этюды. – М., 2003. – С. 111.

¹⁰ Хинтикка, Я. Философские исследования: проблемы и перспективы // Вопросы философии. – 2011. – № 7. – С. 8.

нельзя будет отнести не только «уникальную философию кыргызов»¹¹ (на самом деле мифологию тенгрианства), но и китайскую мудрость, давно причисленную к разряду философий, а также некоторые из доктрин индийского происхождения. Тем более нельзя отнести к ней «философствующее» массовое сознание (не путать с общественным), которое, если пользоваться современными механизмами образования философских терминов, давно пора назвать философией резонерства.

Поскольку же, согласно А. Н. Чанышеву, далеко не все народы «дожили до своей философии», так как еще «...не у всех мировоззрение поднялось на второй уровень – на ступень системно-рационализованного мировоззрения»¹², то всякого рода «мудрецам, акынам-сказителям, манасчы» зачастую просто нечего сохранять. И тут бессмысленно отрицать, что «...любая национальная история философии, как бы ни была она бедна сама по себе, имеет значение. Но при этом не следует все же подменять философию парафилософией, выдавать за философию, например, художественное мировоззрение или различные общественно-политические взгляды»¹³. Но ведь, часто недотягивая даже до парафилософского уровня, сплошь и рядом «подменяют», «выдают», **псевдофилософствуют**. Может быть, это происходит из-за того, что действительно не все еще народы успели подняться «на ступень системно-рационализованного мировоззрения», а может быть, из-за того, что и не хотят туда подниматься (так, единственный за всю историю киргизского интеллектуализма профессиональный логик всегда и упорно вытеснялся из сферы своей профессиональной деятельности). При этом такие народы убеждены, что уж они-то точно «дожили до своей философии». Можно даже добавить, что пока только «до своей» и дожили.

Весьма примечательным выглядит в этом плане появление в печати учебного пособия для студентов киргизских вузов «Кыргызская философия»¹⁴. Пособие подготовлено коллективом авто-

¹¹ См. выше мнение А. И. Токтосуновой.

¹² Чанышев, А. Н. Указ. соч. – С. 29.

¹³ Там же. – С. 30.

¹⁴ Акмолдоева Ш. Б., Ашимов И. А., Бекбоев А. А., Ботоканова Г. Т. Кыргызская философия: уч. пособ. для студентов высших учебных заведений / под науч. ред. д-ра пед. наук Т. В. Панковой. – Бишкек: Илим-Басмасы, 2010.

ров, формально являющихся философами, а отредактировано доктором педагогических наук (речь идет о научной редакции). Так вот, среди названий его пяти глав можно найти довольно занятную формулировку: «Глава 3. Присоединение Кыргызстана к России и новые явления в кыргызской философии». И сразу хочется спросить у «научного» редактора (Т. В. Панковой), как все-таки по-русски пишется «киргизский» и когда именно произошло (или еще только произойдет) «присоединение Кыргызстана к России», если государство под названием Кыргызстан образовалось лишь в 1991 г. Хочется задать еще множество других вопросов лингвистического и исторического свойства, которые обычно принято адресовать именно научным редакторам, но поскольку речь в учебном пособии идет о какой-никакой, но все же философии, то и главный вопрос к редактору – о ней. Например, какие такие «новые явления» произошли «в кыргызской философии» после «присоединения Кыргызстана к России», если в предыдущих двух главах («Мудрость древних» и «Мироосмысление мыслителей-акылманов в эпоху Средневековья») о философии вообще нет ни единого слова? Когда же все-таки появилась пресловутая «кыргызская философия», если только в следующей, четвертой, главе заходит речь о ее истоках: «Истоки становления и развития философской науки в Кыргызстане (советский период)»? Имеет ли хоть какое-то отношение «кыргызская философия» к «философской науке в Кыргызстане»? А поскольку ясно, что все эти вопросы так и останутся без ответа, то приходится заметить следующее. От псевдофилософской расторопности всякого рода дилетантов, пусть даже позиционирующих себя в качестве научных редакторов, философия не возникает, равно как медицина не появляется от одной только знахарской старательности, а подлинное искусство – от подражательного усердия.

Если теперь обратиться к китайской философии, то среди главных ее черт, надо отметить, фигурируют следующие: 1) малосистемность (чего стоит одно только произведение Конфуция «Лянь юй»!); 2) слабая рационализированность¹⁵; 3) плохо выраженный

---

¹⁵ Для адекватной оценки рационалистического потенциала китайской философии следует учитывать не только разницу между рациональностью и рационализмом (который в этом типе философствования отсутствует почти полностью), но и, главным образом, утвер-

мировоззренческий характер¹⁶; 4) синкретизм¹⁷; 5) стремление рассматривать предметы только в их целостности¹⁸; 6) нетерминологичность философского языка; 7) отсутствие в нем механизма для образования абстрактной лексики¹⁹; 8) преобладание практической философии (теснейшая связь с житейской мудростью, нравственностью, управлением и тем, что только в Китае называют религией); 9) слабая натурфилософия²⁰. Благодаря этому перечню нетрудно сделать вывод о сомнительности отнесения к собственно философии также и китайской мудрости (если, конечно, согласиться с формально-логической точкой зрения европоцентриста А. Н. Чанышева²¹). В самом деле, в том духовном феномене, который мы

дившуюся в Китае трактовку рациональности, сводимой исключительно и только к прагматизму, к «правильности поведения». Следует учитывать также и то обстоятельство, что крайне незначительные фрагменты рационалистического мышления, все же имеющиеся в китайском философствовании, на самом деле являются не более чем софистикой. Очевидно, именно отсюда происходит выражение «парадоксальная логика китайцев».

¹⁶ В парадигме китайской ментальности не принято мучиться в поисках смысла жизни и страдать от угрызений совести: достаточно лишь подобрать подходящий к конкретному случаю образец поведения, который обычно заимствуется из каких-то традиционных источников (скажем, из «24 примеров сяо»), и строго ему следовать.

¹⁷ Синкретическое единство науки и философии в Китае всегда тормозило развитие и той и другой. Если же учесть, что в синкретической связи находились не только наука и философия, но также всевозможные формы сакральности, художественного творчества, мыслительной деятельности, повседневной практики и пр., то философией, получается, можно считать все подряд, а каждый китаец, соответственно, вправе считаться философом. Ну совсем как в западном философствовании современного образца!

¹⁸ Такая установка является еще одним подтверждением отсутствия у китайцев собственно рационалистического мышления, которое, как известно, по самой своей природе ориентировано на те или иные ограничения изучаемого объекта, на выделение в нем разнообразных сторон и аспектов.

¹⁹ Понятно, что указанные языковые особенности определяются спецификой иероглифической письменности (в первую очередь отсутствием там суффиксации). Важен также учет колоссальной разницы между письменным древнекитайским языком (вэньянь), используемым в качестве литературного вплоть до XX в., и языком устного общения. В этом плане можно сказать, что китайцы от высочайшего уровня своей культуры, достигнутого по сравнению с другими народами слишком рано, где-то даже пострадали: иероглифическая письменность в Китае появилась уже в середине II тыс. до н. э., в эпоху Цинь (221–207 гг. до н. э.) она посредством жесткого юридического закрепления была унифицирована, а в дальнейшем благодаря конфуцианской норме традиционности законсервирована. Что ж, не развивается письменный язык – не развивается и философия. Но разве китайская философическая мудрость, дух которой сохранился до наших дней в своей первозданности, от этого стала менее привлекательной?

²⁰ Отсюда отсутствие у китайской философии наукообразного, то есть опять же рационалистически ориентированного, характера: несмотря на относительно недавнее происхождение термина «кэ-сюэ» («наука»), отличие собственно научного знания от знания собственно философского («чжэ-сюэ») китайцам было известно всегда.

²¹ Сам Арсений Николаевич, насколько я знаю своего покойного учителя, вряд ли согласился бы с тем, что его квалифицируют в качестве формального логика и

уже привычно называем китайской философией, не обнаруживается основных черт, присущих философской природе, – необходимого уровня системности и рациональности (в смысле абстрактной логики²²). Зато в этом своеобразном феномене обнаруживается полный набор признаков массового, *парафилософского* сознания.

европоцентриста. По всем объективным параметрам, между тем, его концепция является именно таковой (разве что слова для ее названия можно подобрать иные, не столь раздражающие слух современных «философов»). Да и способна ли она быть иной у поклонника античной (европейской!) философии, если история этой философии началась с любования логосом, в то время как, согласно Б. Расселу (другому поклоннику античной философии), «Логика – это наука о логосе» (Рассел, Б. *Мудрость Запада*. – М., 1998. – С. 138)? Что касается самой логики, то иной, кроме формальной, как утверждает все тот же Б. Рассел, ее и не бывает: «...такой вещи, как неформальная логика, не существует» (Там же. – С. 135). В завершение же картины осталось добавить следующий мало кому не известный синонимический ряд: «рациональное мышление» – «абстрактное мышление» – «логическое мышление».

²² Если под абстрактной логикой понимать некоторую строгую науку о мышлении (логику в собственном смысле), тогда вряд ли можно согласиться с точкой зрения немецких профессоров Г. Пауля и Х. Ленка, согласно которой логика в китайской философской традиции не просто существовала, но даже принципиально не отличалась от «теорий логики, разработанных на “Западе”». При этом нельзя не согласиться с уважаемыми профессорами в следующем: «...точка зрения, что может существовать, например, отдельная “китайская логика”, отличающаяся от “европейской логики” – мысль странная». В то же время нельзя также не заметить, что их собственное толкование «китайской логики» как «понятия о правилах поведения» означает обычную омонимическую путаницу в употреблении слова «логика» (Пауль Г., Ленк Х. *Логика и культура. Об универсально верных законах логической формы и определяемых культурой различиях логики* // *Вопросы философии*. – 2011. – № 7. – С. 45). Увы, самая точная гуманитарная наука логика за всю историю своего существования так и не смогла подобрать для собственного именования действительно однозначного, терминологического слова. Конечно, чаще всего логикой называют мыслительные процессы и лежащие в их основе закономерности («логика рассуждения», «логика шахматной игры», «нарушение элементарной логики»), однако нередки случаи именования этим же словом также и объектов онтологической («логика бытия», «логика жизни», «по логике вещей») или социальной природы («логика истории», «логика войны», «логика революции»), А еще «логику» используют – так уж сложилось в естественном языке – для обозначения диалектики как некоторого универсального учения строгого характера («логика единичного и общего», «логика истины»), диалектики как учения о развитии только мышления (гегелевские «наука логики» и «диалектическая логика»), теории познания («логика познания», «неформальная логика»), методологии («философская логика», «логика математики»), психологии («особенности его логики», «логика поведения», «женская логика», «мужская логика»), социальной психологии («логика толерантности», «логика общения»), текстологии («логика изложения», «логика повествования»), просто осмысленности некоторого высказывания («наличие логики», «логическое мышление»). И реже всего, как ни странно, под «логикой» понимают собственно логику («наука логика», «формальная логика», «традиционная логика», «математическая логика», «классическая логика», «неклассическая логика»).

Что касается Г. Пауля и Х. Ленка, то сначала, в контексте «теорий логики, разработанных на “Западе”», они употребляют «логику» в смысле науки, затем – в смысле универсаль-

Не столь однозначной выглядит ситуация с индийской философией, которая, как известно, будучи полностью религиозной, обладает не только чертами трансцендирующей мистики и теософского синкретизма, но и достаточно строгими, хотя и непривычными для западной ментальности, системно-рационалистическими параметрами. Так, например, деление астики на даршаны (ошибочно принимаемые европейцами за школы) на самом деле является не чем иным, как структурированием философского предмета. Конечно, это совсем не то структурирование, к которому мы привыкли в случае с философией западного происхождения (онтология – теория познания – социальная философия – философская антропология), однако это, безусловно, уже систематизация философского знания, причем осуществленная на высочайшем рационалистическом уровне. И хотя индийский рационализм, в силу известных причин синкретизма, отнюдь не сводим к формальной логике, между тем большинство логических учений астики (ньяи, вайшешики, ньяи-вайшешики, мимансы²³) и настики (в первую очередь буддизма²⁴) вполне сопоставимы с европейской логикой (логикой не в смысле ментальности, а в смысле науки). При этом сам по себе религиозный характер индийской философии никак не влияет ни на ее системность, ни на упомянутый рационализм. Более того, именно благодаря специфике своей религиозности индийская философия смогла уже на самых ранних этапах развития подняться до крайне высоких ступеней рационализма – *метафилософских*.

Среди рассмотренных типов философствования, традиционно считающихся основными (европейского, китайского, индийского), надо признать, отсутствует один, споры относительно природы которого будут продолжаться еще не одно десятилетие. Речь идет о русской философии, типологизировать которую мало кому удастся, поскольку и в ее случае классификационная процедура осуществляется за счет определения причастности к одному из указанных трех типов любомудрия. При этом одни, не найдя сходства русской

ных закономерностей, лежащих в основе мыслительных процессов, и наконец (в контексте «понятия о правилах поведения») – в чисто ментальном, психологическом смысле. И подобная путаница наблюдается всего лишь на семи расположенных подряд строчках!

²³ Шохин В. К. Индийская философия // Новая философская энциклопедия: в 4 т. – М., 2001. – Т. 2. – С. 110.

²⁴ Щербатской, Ф. И. Избранные труды по буддизму. – М., 1988. – С. 55, 281.

философии ни с одним из известных образцов, квалифицируют ее в качестве абсолютно самобытной, другие вовсе отказывают ей в праве считаться философией: «Метафизическая рефлексия должна оставаться метафизической рефлексией, а традиционные метафизические понятия – метафизическими понятиями: субъект, субстанция или сущность не должны заменяться на “софийность”, “соборность” и т. д.»²⁵. Истина, очевидно, как всегда, где-то посередине. Иными словами, в том своем проявлении, в котором русское философствование используется только для реализации известной склонности порезонерствовать, оно является типичным образчиком массового, *парафилософского* сознания (возможно, не самого профанированного). В том же проявлении, когда оно «...принуждено обратиться к более сложным душам и раскрыть более сложную духовность»²⁶, оно из русского философствования превращается в русскую философию, поскольку проникает в такие глубины *метафилософской* рациональности, которые, никогда не сводимые к формально-логическому подходу, даже рафинированных западных рационалистов заставляют почувствовать себя простецами.

При этом, согласимся с профессором А. Н. Чанышевым, «...философия и философование не одно и то же»²⁷. Согласимся с ним и в том, что «...философами, как и поэтами, рождаются, а философоведами становятся»²⁸. Иными словами, согласимся, что сама по себе рационализация мысли, по скольким бы метатурням она ни протекала, философии еще не означает. Однако без рационализма философии не бывает вовсе, без него бывают лишь те самые «философии чего-нибудь», с указания на которые начиналась данная статья. Впрочем, философия с ее универсалистскими потенциями способна и не на такое, так что появление под ее крылом всякого рода «философий» – это, наверное, тоже одна из закономерностей философского развития. В самом деле, если вспомнить, что традиция соединять слово «философия» с «правом», «религией» и пр. принадлежит не кому-то, а считающемуся панлогистом

²⁵ Иванов О. Е. Метафизика в богословской перспективе. – СПб., 1999. – С. 13.

²⁶ Бердяев Н. А. Философия свободного духа. – М., 1994. – С. 15.

²⁷ Чанышев А. Н. Указ. соч. – С. 14.

²⁸ Там же.

Г. В. Ф. Гегелю (вспомним: «философия права», «философия религии», «философия истории», «философия природы», «философия духа»), то современные способы соединения «философии» с чем угодно вполне имеют право восприниматься в качестве продолжения идущей от Гегеля манеры философствовать. Но если вспомнить также, что обвинения в алогичности претендующего на экстраординализм Гегеля давно стали общим местом²⁹, то современное смешение *парафилософии*, *философии* и даже *метафилософии* должно восприниматься как норма. Норма развития самой философии. А чтобы при этом было поменьше философского брака – *псевдофилософии*, – следует помнить: «...философия, хотя и питается интуициями и движется ими, есть там и только там, где к раскрытию интуиции привлекаются силы разума»³⁰.

---

²⁹ Возможно, многочисленные противоречия, присущие философии Г. В. Ф. Гегеля, проистекали из ее базового противоречия – между системой и методом. Отсюда вполне закономерна такая, например, парадоксальная ситуация: с одной стороны, появление у великого немецкого мыслителя убеждения, будто логическое мышление есть исключительно врожденное, почти физиологическое свойство человека, обучать которому из-за его врожденности не следует, а с другой – написание им своеобразного учебника по выработке этого самого логического мышления с примечательным названием «Наука логики» (не «Наука логика», а именно «Наука логики»!). Тем более объяснимо появление другого гегелевского противоречия, наблюдающегося непосредственно в той сфере, которая нас интересует. Так, с одной стороны, религия и философия выделялись мыслителем как качественно разные ступени развертывания абсолютного духа, а с другой – им же не исключалась «...философия, которую мы находим в той или другой религии» (Гегель Г. В. Ф. Лекции по истории философии. – СПб., 2001. – Кн. 1. – С. 140).

³⁰ Зеньковский В. В. Указ. соч. – С. 16.